

АНТИКОР

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ БРИГАДА

ПОСЛЕДНЯЯ
КАПЛЯ ТЕРПЕНИЯ

Антикор

Кирилл Казанцев

Последняя капля терпения

«ЭКСМО»

2011

Казанцев К.

Последняя капля терпения / К. Казанцев — «Эксмо»,
2011 — (Антикор)

Генерал Дугин, тайный руководитель антикоррупционной бригады, встречается со своим лучшим боевиком Андреем Лариным и поручает ему сложное и опасное задание. Суть задания в следующем: стало известно, что лидер одной из федеральных республик готовится захватить власть на всем Северном Кавказе, объявив себя верховным имамом, а затем инициировать отделение северокавказского региона от России. Этот план активно и небескорыстно лоббируется членом Совета безопасности Александром Глотовым. По имеющейся информации, Глотов уже почти убедил президента России подписать указ о назначении сепаратистского царька верховным имамом, что якобы послужит укреплению мира и стабильности в беспокойном регионе. Андрею Ларину предстоит внедриться в окружение продажного чиновника и сорвать его антигосударственный замысел...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кирилл Казанцев

Последняя капля терпения

Глава 1

Укрытые густой зеленью горы Северного Кавказа раскинулись вдоль растянутого ниткой далекого края полей. Издалека они могли показаться искусно выполненным театральным задником. Ласковое вечернее солнце золотило мгlistую дымку над кукурузным полем. Домики небольшого южного поселка живописно раскинулись по склону. Пастух в наброшенном на плечи выцветшем брезентовом плаще перегонял через шоссе отару овец. Пасторальный пейзаж полнился тревожным блеяньем. Пожилой мужчина подгонял отставших животных длинной, отполированной до блеска шершавыми ладонями палкой.

– А ну пошла! – крикнул пастух на овечку, решившую почесать лоб о дорожный указатель с надписью «Добро пожаловать в Ставропольский край».

Овца испуганно покосилась на занесенную для удара палку, взбрыкнула и галопом ринулась в глубокий кювет, ломая сухие стебли разросшихся сорняков. На асфальте скрипнули тормоза, водитель нетерпеливо просигналил, чем только вызвал больший переполох и внес сумятицу среди разбежавшихся по дороге животных. Пастух покосился на добытый бортовой «УАЗ» с обтянутой брезентом самодельной будкой и вяло махнул рукой. Мол, ничего страшного, подождешь. Серьезные джигиты на таких машинах не ездят – мы на равных.

«УАЗ» дернулся и медленно двинулся вперед, расталкивая бампером несмышленных овец. Водитель – сорокалетний, пару недель не бритый кавказец в огромных зеркальных солнцезащитных очках – высунулся из кабины и махнул рукой:

– Э-э, уважаемый, почему своих овец распустил? Совсем тебя не слушаются. Что хотят, то и делают. Про шашлык, наверное, забыли? Или им напомнить?

Пастух широко улыбнулся, абсолютно не стесняясь того, что во рту у него осталось меньше половины зубов, да и те были желтыми, как осенняя листва.

– Про шашлык они всегда помнят. Глупые просто очень.

– Племяшка, – небритый повернулся к молодому парню, почти подростку, сидевшему рядом с ним в кабине грузового «УАЗа», – помоги человеку овец через дорогу перегнать. Видишь, мучается очень.

– Дядя Руслан, – искренне удивился молодой кавказец, – разве я к вам за тем пришел, чтобы пиво возить и овец гонять? Разве для этого я два месяца автомат искал?

– Э-э, – протянул сорокалетний, – не спорь, когда старшие говорят. Да и пастух тебе в отцы годится. А автомат... Ты про него пока забудь. Мы – мирные люди.

Железный горский аргумент насчет разницы в возрасте подействовал. Молодой кавказец послушно выбрался из кабины и принялся пинками сгонять овец в кювет. Дальнейшая их судьба его не интересовала. Но при этом он не зверствовал, просто расчищал проезжую часть. Немолодому пастуху оставалось только ловить овец, сбегавших с откоса, и направлять их на правильный путь.

– Готово, дядя Руслан, – племяшка запрыгнул в кабину, явно ожидая похвалы.

Но небритый родственник был суров в отношениях с младшим. Он лишь сдержанно кивнул, махнул рукой на прощание пастуху. Видавший виды «УАЗ» покотился по давно не отремонтированному асфальту. Вновь в кузове глухо зазвенели кеги с пивом. Там и сям на проезжей части виднелись следы-выбоины от танковых траков.

– На танки, чтобы сюда их гонять, у них, значит, деньги есть. А как дорогу отремонтировать, то нет, – молодой кавказец во всем искал здравый смысл. – А ведь сколько лет прошло.

Дядя Руслан блеснул зеркальными очками и снисходительно улыбнулся:

– И деньги, чтобы дорогу отремонтировать, у них тоже есть...

И водитель, и его родственник-экспедитор, произнося «у них», «они», не уточняли, кто именно имеется в виду. В здешних краях, на их родине, в мятежной кавказской республике так было принято называть русских, и никакие уточнения не требовались. Уже два десятилетия мир был поделен на «своих» и «чужих».

– А если деньги есть, то почему они новый асфальт не положат? Ездить же по гладкому удобнее, – не сдавался молодой. – Они что, таких простых вещей не понимают? Сами же здесь иногда ездят.

– Если бы ты свои деньги из кармана достал и ремонтникам в руки дал, они бы тебе новый асфальт к завтрашнему дню и положили. А так – считай. Деньги только в Москве есть. – Дядя Руслан снял руку с рычага переключения передач и принялся загибать пальцы. – Тот, кто их на дорогу сюда выделил, должен себе что-то оставить? Должен! Потом он то, что осталось, нашему президенту даст. Должен же и тот себе что-то оставить?

Молодой кивнул:

– Это справедливо, дядя Руслан. Он же президент.

– Но президент сам дороги не ремонтирует.

– И это справедливо, дядя Руслан. У него другие дела. Много дел. Он за всех нас думать должен.

– Значит, деньги – те, что останутся, – он своим начальникам отдаст. Пока они к дорожникам дойдут, из тысячи рублей один рубль останется. А много можно на рубль отремонтировать?

– Одну сигарету купить можно.

– Вот дорожник эту сигарету и выкурит, а делать ничего не станет. Потому что денег у него нет. Их х...ва туча сперва в Москве, а потом и в нашей столице осела.

– Дядя Руслан, ты зачем матом ругаешься? Сам же мне говорил...

– Аллах по-русски все равно не понимает.

И тут каменное лицо небритого нервно дернулось, рука с загнутыми пальцами легла на переключатель скоростей. За поворотом четко нарисовались железобетонные блоки, перегородаживающие дорогу хитроумным лабиринтом, который на скорости не проскочишь, передвижной вагончик-бытовка, застекленный стенд с фотографиями и скучающие возле него трое автоматчиков в милицейской форме. Каски, бронежилеты и оживившиеся при виде грузовой машины лица не сулили радушной встречи.

– Вот б... Мне Иса про этот пост ничего не сказал, – вздохнул дядя Руслан и сбросил скорость. – Ротацию, наверное, себе устроили. Ты только улыбайся и кивай, а говорить буду я. Понял?

– Как не понять, – молодой тут же растянул рот до ушей в неожиданно глуповатой, но предельно неискренней радушной улыбке.

Сорокалетний Руслан был прав – этот передвижной милицейский пост возник здесь только вчера, и именно в результате ротации. Какой-то светлой голове в МВД пришло на ум, что для борьбы со взяточничеством среди личного состава на Северном Кавказе стоит менять милицейские посты местами, неожиданно перебрасывая их иногда вместе с людьми на добрую сотню километров – не давать правоохранителям обзаводиться связями среди местного населения.

«УАЗ» послушно замер. Небритый кавказец распахнул дверцу и спрыгнул на пыльный асфальт. Документы держал в руках так, чтобы сразу было видно: он не вооружен. Только после этого милицейский лейтенант сплюнул под ноги шелуху от семечек, зевнул и подошел к машине. Сержант и рядовой-контрактник следовали за ним, присматриваясь к потрепанному

кузову. Двигались они вальяжно и нагло, явно копируя американских крутых киношных персонажей – братьев по разуму.

Лейтенант даже не подумал отдать честь, как того требует устав, а лишь пробурчал нечто маловразумительное, что, если следовать логике ситуации, должно было подразумевать его звание, должность и фамилию. Небритого водителя «УАЗа» это не смутило. На здешних дорогах давно уже отвыкли от радушного общения между местными жителями и людьми в федеральной форме. Последние в разговорах между собой тоже неизменно называли другую сторону емким словом «они», хоть зачастую принадлежали к одной и той же народности.

– Документы, значит, – лейтенант принял от небритого бумаги и взялся их просматривать, при этом то и дело подозрительно зыркал на зеркальные стекла очков, но видел в них только свое раздвоенное отражение. – Латыпов Урал Рамдракович. Язык сломать можно. Очки-тоними, не на пляже загорашь.

Небритый отозвался теперь на имя Урал, хотя раньше отзывался на Руслана, и неохотно повиновался – поднял очки на лоб. Глаза у него были шустрые, живые и немного лживые, как у большинства южан. Наверняка все увиденное, даже мельком, их обладатель запоминал в деталях и надолго. Милицейский сержант тем временем уже обошел машину и заглянул под брезентовый полог кузова. Со стороны кабины через широкое незастекленное окошко ему радушно улыбался молодой кавказец. Улыбался и глаз со стража порядка не сводил.

– Ёшкин кот! – жизнерадостно воскликнул сержант. – Да они тут пиво в кегах везут. А в документах что указано?

Взгляд правоохранителя прошелся по стройным рядам таинственно поблескивающих металлических цилиндров. Сержант непроизвольно сглотнул. После стояния на солнцепеке ему нестерпимо захотелось сделать хоть несколько глотков холодного пива. Прикоснулся к кегу, тот был теплым.

Лейтенант с досадой сплюнул:

– И в документах то же самое указано. Количество совпадает?

– Сходится, уважаемый. Можете не сомневаться. Пиво мы везем, – вставил небритый. – Будете кеги считать, только время зря потеряете.

– У нас здесь время безлимитное, – усмехнулся лейтенант. – За нас не переживай. На посту стоим – служба идет. А тебе еще ехать и ехать.

– Дорога неблизкая, – согласился небритый. – Можем следовать дальше?

– Успеете.

Лейтенант взгляделся в фотографию водителя на правах, затем отсканировал взглядом оригинал и вновь вынужден был признать, что «совпадает».

Наличие в кузове кегов на какое-то время сбило милиционеров с толку. Если бы кавказцы, следовавшие из проблемной автономии, везли мешки или картонные коробки, алгоритм действий был бы примерно следующий. Правоохранители стали бы вскрывать штык-ножами один ящик-мешок за другим, вытряхивать товар-содержимое на землю, пока бы у экспедитора нервы не выдержали. Вот тогда бы и пошел разговор по существу. Про откупное. А кег, он – вещь в себе. Его так-то просто не вскрыешь.

– И что мне с вами делать? – миролюбиво поинтересовался офицер; это прозвучало, как предложение придумать что-то полезное для людей, стоящих на посту.

Его подчиненные явно выглядели разочарованными. День, подхлотивший к вечеру, обещал быть бездарным в смысле добычи. Участок дороги им попался не оживленный, да и ездили по нему в основном местные на своих добитых машинах – из поселка в город или к родственникам в соседнее селение. Особо не разживешься. Максимум, заберешь канистру с паленым бензином или барашка. Небритый стоял перед лейтенантом, смотрел себе под ноги и всем своим видом показывал, что, мол, ты начальник, тебе и решать.

– Значит, так, – милиционер сложил документы стопочкой, но отдавать их не спешил. – Пиво хорошее?

– Свежее, – ушел от прямого ответа небритый. – Но сам я его не пробовал.

– Я уж представляю, какое там пойло мусульмане сварили. Сами-то они пиво не пьют, только анашу курят, – сержант уже готов был открыть задний борт машины.

– Сгружай один кег со своим свежим пивом и можешь ехать. Только учти: назад тебе по той же дороге возвращаться. Вдруг нам твое пиво не понравится? – Сделка, предложенная лейтенантом, выглядела вполне «по-божески».

Однако небритый внезапно заартачился, правда, не стал при этом апеллировать к закону.

– Рад был бы угостить тебя и твоих ребят, но не могу, командир. Пиво не мое. Хозяин у нас зверь. Он сам каждый кег посчитал, когда в машину грузил, и в блокнот себе записал. Так и сказал, что головы открутит, если потом цифра не сойдется. Лишнего у меня нет, так что извини.

Лейтенант растерялся, но не надолго. Откупиться натурой считалось самым мягким из всех вариантов и даже вполне законным, чем-то вроде подарка или сувенира. Ведь не деньги вымогали, а всего лишь то, что везут, и не половину, а малую часть. Отпускать же машину без откупного офицер-правоохранитель позволить себе не мог – вмиг бы потерял всякое уважение у подчиненных. Это значило бы окончательно расписаться в собственном непрофессионализме.

– Так что с тобой, Урал Рамдракович, делать будем? Ты же спешишь?

– Вас трое? – прищурился небритый и тут же опустил зеркальные очки.

– Тебе сегодня повезло. Завтра тут пятеро на дежурство заступает, – подсказал лейтенант. Кавказец полез в карман, вытащил потертое портмоне.

– Одна тысяча на три не делится, – он хрустнул бирюзовой купюрой, следом вылушил из отделения пятисотку. – А полторы тысячи – как раз, делится.

Стражи порядка переглянулись, взгляды всех троих пересеклись и тут же разошлись – милиционеры сумели уточнить свои позиции без лишних слов.

– Слышь, Рамдракович, ты мне высшую математику с дробями не задвигай. Подскажу, если тебя плохо арифметике в твоём ауле учили. На три делится только три тысячи, но никак не меньше.

– Э... правильно мыслишь, – засмеялся небритый и добавил еще полторы тысячи.

Лейтенант, абсолютно не таясь, принял взятку и тут же раздал по тысяче подчиненным, вполне по-дружески улыбнулся водителю «УАЗа».

– Хороший у тебя учитель был. Три тысячи на троих как раз и делятся, – но даже после этого его рука не поднялась к голове – отдавать честь гражданским, да еще местным, ему не позволяла гордость.

– Теперь-то мы можем ехать?

– Про обратную дорогу не забудь, – напомнил лейтенант и махнул рукой.

Небритый легко вскочил в кабину и, ловко маневрируя между железобетонными блоками, вывел машину на трассу. Подскакивая на выбоинах, «УАЗ» покотился дальше.

– Урал Рамдракович... – задумчиво произнес милиционер. – Тоже мне имена придумали. Давали бы уж сразу: Урал КамАЗович или ГАЗонович. И думать бы не пришлось.

Сержанту шутка командира понравилась:

– Или – Драконович, – хохотнул он. – Знавал я одного автомеханика. Так его вообще звали Урал Отходов. Представляете, целый грузовик Отходов.

– Отставить, – лениво произнес лейтенант. – Человек не виноват, что его так родители назвали. Ты бы, сержант, над своей фамилией задумался.

– Фамилия как фамилия, чисто русская – Малофеев.

Все трое милиционеров глянули на горизонт. Трасса была пуста. Руки сами потянулись к сигаретным пачкам.

– А пиво пришлось бы кстати, во рту сушит, – протянул сержант, ни к кому конкретно не обращаясь. – Да еще с рыбкой.

– Пиво, пиво... – задумчивость никак не покидала лейтенанта. – Это где же они там у себя пиво варят? И из какого такого хмеля? Там и русских-то не осталось. Гашиш, что ли, для крепости в пойло добавляют?

– Из дряни всякой и варят. Вот и возят его к нам, – подсказал контрактник. – А по мне, главное в пиве что? Чтобы градусы были, или хотя бы по шарам било.

Лейтенант глубоко затянулся, пыхнул дымом и присел на бетонный блок, автомат пристроил между ног. Полученная от водителя тысяча сильно душу не грела. Небольшие деньги, когда их не на что потратить «не отходя от кассы», практической ценности не имеют. Его взгляд блуждал, пока не зацепился за пыльный стенд «ИХ РАЗЫСКИВАЕТ МИЛИЦИЯ».

– А ну-ка, стекло-то протри, – приказал он.

Контрактник рукавом протер стенд от пыли. Из-за стекла на милиционеров зверовато смотрела дюжина немолодых, по большей части бородатых мужчин. Некачественные снимки, напечатанные офсетом в местной типографии, делали их похожими, как близнецов-братьев. Но милицкий взгляд натренирован. Даже по маловразумительному устному описанию настоящий профессионал способен опознать разыскиваемого. А лейтенант служил на Северном Кавказе не первый год.

– А теперь смотрите, соколы вы мои, только не закукарекайте: третий слева во втором ряду. Я вас службе учить буду? Куда смотрели? На пиво? А счастье-то свое проморгали?

Сержант тщательно присмотрелся к фотографии одного из разыскиваемых милицией.

– Узнал? – прищурился лейтенант.

– Так это ж Руслан Тангаев – полевой командир, разыскивается за причастность к терактам... – сержант не успел дочитать кровавый послужной список небритого и тут же глянул на дорогу.

– Вот тебе и Урал Рамдракович. Хрен их последним временем разберет: вчера ваххабитом был, а сегодня с гор спустился и в автономной администрации их презика сидит. Может, просто ориентировка у нас устарела и теперь он в законе?

– Перешел бы из ваххабитов в администрацию, не сидел бы сейчас за рулем зачуханного «УАЗа», – здраво рассудил лейтенант.

Как и следовало ожидать, тот самый зачуханный «УАЗ» давно растворился в вечерней дымке. Лейтенант уже был на ногах, пальцы его нервно теребили ремень автомата. Контрактник выпалил взволнованно:

– Надо срочно по рации на следующий пост передать, чтобы задержали.

– Идиот, отставить – следующий пост по рации, – искренне возмутился офицер. – Мы с него три тысячи российских взяли. А не проморгали бы, как минимум десять тысяч зеленых стрясли бы прямо на месте. Вот после этого его и можно было бы следующему посту передавать по рации. Или ты хочешь, чтобы соседи вместо нас деньги с него получили?

Очевидный вопрос так и остался без очевидного же ответа, лейтенант уже бросился к машине. Спешили так, что даже забыли закрыть на замок дверь вагончика-бытовки. Щебень с обочины фонтаном брызнул из-под колес. Милицмейская машина рванула с места. Сержант вел автомобиль и на ходу освобождался от мешавших ему бронежилета и каски. Лейтенант, сидевший рядом, придержал руль.

– Гони. Не останавливайся. Нельзя ему дать до следующего поста добраться. Там уже не наша зона ответственности. И деньги будут не наши. Понял?

– Как не понять? – Сержант вновь вцепился в руль и добавил газу. – Успеем догнать.

– Не кукарекай.

– Только б не свернули... только б не свернули... – приговаривал сержант, всматриваясь в очередной проселок, уходящий сквозь кукурузное поле к горам. Как же это мы так оплошали, а, товарищ лейтенант?

– Мигалку в последний момент включишь, и только если останавливаться не захочет.

– Захочет, никуда не денется. А не захочет, заставим.

Редкие встречные автомобили жались к обочине, уступая проезжую часть мчавшейся по осевой машине. Милиционеры до рези в глазах всматривались в дорогу. Наверное, с таким же усердием вглядывались в морской горизонт члены экипажа Христофора Колумба, которым великий командор пообещал награду – первому, кто увидит землю.

И вот этот момент настал. Лейтенант оказался самым зорким.

– Не спешит... Не понял еще, гад, что его ждет. Сейчас поймет. Сержант, педаль в пол!

Стрелка спидометра качнулась к цифре сто двадцать. Машину бросало на неровностях, как моторку на мелких волнах, но сержант лихо вел ее, умудряясь даже на такой скорости объезжать самые опасные неровности. В грузовом «УАЗе» уже наверняка заметили приближение погони, он тоже пошел резвее; но выдавший виды полноприводный грузовичок не мог сравниться в резвости с милицейским автомобилем. Расстояние неумолимо сокращалось. Лейтенант довольно ухмыльнулся и, взяв в руку микрофон, щелкнул кнопкой. Динамики на крыше машины отозвались гулом.

– Водитель «УАЗа», – официальным тоном приказал офицер, – примите вправо и остановитесь.

Если его и услышали, то реагировать не стали.

– Если не остановишься, будем стрелять! – предупредил лейтенант уже почти весело.

Кураж погони, мощный двигатель и скорость, а также предчувствие легких и хороших денег растянули губы молодого мужчины в хищной улыбке.

– Ну, не понимает. Сейчас объясним, – проговорил лейтенант, опуская стекло и берясь за автомат. – Ты, сержант, понежнее, понежнее, – предупредил он, приподнимаясь на сиденье...

Небритый кавказец уже не улыбался, но и не паниковал; он уверенно гнал машину, насколько позволял выработавший свой ресурс двигатель, и поглядывал в зеркальце заднего вида на приближающуюся милицейскую машину. Внутренности «УАЗа» трещали, неровным стуком отзывались цилиндры. Пивные кеги подпрыгивали в кузове, сталкивались.

– Дядя Руслан, почему они за нами гонятся? Ты что, им фальшивые деньги дал? – молодой парень упирался руками в панель перед собой, затравленно косился назад.

– Фальшивые деньги у меня в кармане остались, а им я из кошелька давал. Деньги настоящие, и они – козлы самые настоящие.

Милицейская машина уже пыталась обойти «УАЗ» слева. Из правой дверцы грозно торчал ствол пока еще молчащего автомата, лейтенант скалил зубы и поглаживал цевье. Небритый резко повернул руль. Заднее колесо ударило в машину преследователей, она вильнула, запылила по обочине, теряя скорость, но все же удержалась на дороге.

– Дядя Руслан, может, остановимся?

– Ты автомат видишь?

Племяшка даже вздохнуть не успел, как прогрохотала очередь, и втянул голову в плечи. Лейтенант, высунув голову из окна, пытался высмотреть – попал он в «УАЗ» или нет, при этом нещадно матерился и пытался прицелиться в колеса.

– Держись! – крикнул небритый, прижимая педаль тормоза.

Протекторы взвизгнули. Оставляя на асфальте черные следы, «УАЗ» развернулся поперек дороги, а затем сразу же нырнул в неглубокий кювет перед самым носом у преследователей. Натужно ревя двигателем, машина выбралась из канавы и захрустела высокими стеблями кукурузы. Листья хлестали по лобовому стеклу, тяжелые початки барабанили по кабине. Милицейский автомобиль чудом замер на самом краю дороги. Лейтенант выскочил на обочину, быстро

опустился на одно колено, вскинул автомат и прицелился. Короткая очередь вспорола вечерний воздух. Пуля вдребезги разнесла боковое зеркальце «УАЗа». Осколки стекла вспыхнули на солнце и разлетелись в разные стороны. Грузовичок, отдаляясь, захрустел в высокой кукурузе. Лейтенант и подоспевшие к нему сержант с контрактником дали еще несколько очередей, но вскоре поняли, что стрелять бесполезно. Запоздало узанный ими полевой командир уходил от них, его машину с пивными кегами надежно скрывали заросли. Надежда разжиться десятью тысячами долларов таяла вместе с уходящим в глубь поля звуком автомобильного двигателя.

– Уроды, – пробормотал лейтенант, глядя почему-то на своих подчиненных. – Что делать-то думаете?

– По радию бы... – начал было контрактник и замолчал, поняв, что вновь не сумел разгадать замысел командира.

Лейтенант метнулся к машине, развернул на капоте карту, прищурился. Затем его палец ткнул в зеленый прямоугольник поля.

– Мы здесь!

Палец описал круг над картой и вновь опустился.

– А они тут. Быстро...

...Небритый заглушил мотор и повернулся к своему молодому родственнику. «УАЗ» неподвижно стоял среди кукурузных зарослей.

– Слазь в кузов, глянь, все ли кеги целы. Не прострелили?

После чего тут же покинул кабину и стал вглядываться сквозь стебли кукурузы. И что он мог там увидеть? «Царица полей» росла густо – буквально стояла стеной.

Племяшка послушно перебрался в кузов. Кеги от болтанки разбросало, пришлось вновь составлять их стройными рядами.

– Все целы, – радостно доложил молодой кавказец.

– Оно и хорошо. – Только после этого небритый забрался на подножку, задрал зеркальные очки на лоб и уже с высоты принялся изучать обстановку.

Шоссе просматривалось неплохо. Время от времени по нему проносились редкие машины. Милицейского автомобиля уже не было видно. Не наблюдался он и в кукурузе – извилистая дорожка, проложенная в посевах «УАЗом», оставалась в единственном числе.

– Уехали? – спросил молодой с надеждой в голосе.

– Не знаю. Хотелось бы, чтобы уехали, – произнес небритый.

– Они тебя что – узнали? Даже не помогло то, что ты бороду сбрил?

Дядя Руслан усмехнулся:

– Нет, просто им пива сильно захотелось. Вот и передумали.

Кавказцы замолчали, прислушались. Кукурузное поле негромко шелестело под ветром, прерывистым далеким гулом отзывалось шоссе. Воздух предгорий наполнился тревожным ожиданием.

– Надо выбираться отсюда, – прикинул молодой, – они могут вертолет вызвать, тогда нам конец.

– Не вызовут.

– Почему?

– Хотели бы – он бы уже над нами кружил. Сами мы уйти по полю в любой момент сумеем. А вот машину с грузом бросать нельзя.

– А чье это пиво? – спросил молодой уже с подозрением. – Это ты шутил, когда говорил, что хозяин у нас зверь и головы открутит, если цифра потом не сойдется? Я думал, ты сам себе хозяин.

– Не шутил. Открутит. Он это умеет и может.

– Даже тебе?

– Даже мне.

– Он над всеми хозяин?

– Помолчи лучше.

Полевой командир Руслан Тангаев присел на примятые стебли кукурузы и закурил; мобильник вертел в руке, не решаясь пока звонить. Тот, о ком он говорил племяннику, ценил Руслана за то, что все проблемы тот решает самостоятельно. Достаточно лишь поставить цель и обеспечить финансирование. Полевому командиру не хотелось терять свою репутацию. Глядишь, в следующий раз хозяин остановит выбор на другой кандидатуре. А дела сейчас затевались такие, что сходить с дистанции не стоило. Верных исполнителей, прошедших испытания с самого начала, в конце опасного пути ожидала хорошая награда. Высокая должность, безбедная жизнь до самой старости. Да и в наследство внукам нашлось бы что оставить.

Небритый щурился на заходящее солнце, раздувал ноздри, вдыхая запах кукурузного поля. Выкуренную до самого фильтра сигарету он загасил о каблук ботинка.

– Ехать надо, нас ждут, – уже почти как к равному обратился он к племяннику, опасность сближает людей.

«УАЗ» негромко заурчал. На пониженной передаче машина поползла навстречу заходящему солнцу. Небритый вел автомобиль вдоль рядов кукурузы – так меньше трясло, да и дорожка, оставляемая машиной, не так бросалась бы в глаза издали.

– На шоссе нам возвращаться нельзя, – скороговоркой вещал Тангаев. – Они там нас будут поджидать.

– А документы? – напомнил племянник.

– Найдется и второй комплект. Просто сменим маршрут, и всех делов.

– Дядя Руслан, а почему у нас с этим пивом столько проблем?

– Не твоего ума дело.

Листья высокой кукурузы скользили по стеклам, лезли через открытые окна в кабину. Наконец «джунгли» кончились, автомобиль выбрался на узкую грунтовую дорогу и двинулся в сторону гор. Отсюда они казались совсем близкими, но расстояния в здешних пейзажах обманчивые, ехать к ним надо было около часа. Насыпь постепенно поднималась над полем, в глубоких кюветах зеленела потянутая густой ряской вода.

– Слишком тихо, – глубокомысленно произнес небритый и принялся, как сделал бы это дикий зверь.

– А что бы ты сделал, если бы нас взяли? – спросил племяшка.

– Как это?

– Ну... окружили бы, автоматы наставили. Их бы столько было, что ничего с ними сделать нельзя.

– По секрету тебе, как родственнику, скажу. В раму машины взрывчатка залита. Бахнуло бы так, что их бы потом по кусочкам в пакеты собирали, – небритый сказал это и, заметив испуг в глазах молодого родственника, хохотнул и добавил мрачно: – Шучу.

Дорога делала плавный поворот. Из-за стены кукурузы показалась милицейская машина. К появлению «УАЗа» милиционеры были явно готовы. Из зарослей застрекотал автомат, посыпалось лобовое стекло. Машина с мигалками рванула навстречу. Небритый пригнулся, буквально слившись с рулем, и крикнул:

– Вниз!

Молодой послушно упал на горячий капот, прикрывавший двигатель. Автомобили неслись навстречу друг другу. Еще один автомат загрохотал очередью – лейтенант стрелял, высушившись в окошко. Пули продырявили кабину. Но небритый и не думал сворачивать. «УАЗ» упрямо шел лоб в лоб милицейскому автомобилю.

Побледневший сержант выдавил из себя:

– И пули его не берут. Лейтенант!

– Не сворачивай! Жми!

«УАЗ» ушел в сторону в самый последний момент, когда сержанту уже казалось, что столкновения не избежать, и он готовился распрощаться с жизнью. Правые колеса грузовичка несколько секунд крутились в воздухе, а потом, зацепившись за густо поросший травой откос, вновь вынесли машину на дорогу. Виляя, «УАЗ» упрямо вновь запылил к горам на полной скорости.

Сержант резко затормозил, грязно выругался, помянув близких родственников полевого командира.

– ...да как же так?! Он же перевернуться должен был.

– Эти дети гор с детства за рулем, как только до педалей дотянуться смогут. Они и не такое умеют. Не то что ты! Разворачивайся!

Милицейская машина в два приема неуклюже развернулась на узкой грунтовке. Контрактник, сидевший до этого в засаде, выскочив из кукурузы, успел добежать до своих и запрыгнуть на заднее сиденье.

– Догоним – убью, – пообещал он.

– Можешь и наоборот, – осклабился лейтенант. – Сперва убить, потом догнать. Главная задача для нас – настигнуть противника, остановить его и стрясти свои бабки. Понял?

Облако пыли, поднятое «УАЗом», приближалось, рассмотреть в нем что-либо было сложно. Милицейские стреляли практически наугад.

– Кажется, достали, – слышав новый звук, выкрикнул лейтенант и вскинул руку, чтобы прекратить стрельбу.

Явственно шуршало, хлюпало простреленное колесо.

– Есть. Далеко теперь не уедут.

В пылу погони милиционеры как-то упустили из вида, что никаких других машин им по пути не попадается. Местность тут была безлюдная.

Кавказцы тоже не видели своих преследователей, о тех напоминали лишь выстрелы. И напоминали постоянно. Водитель еле удерживал машину с простреленным колесом на дороге. «УАЗ» в любую минуту рисковал уйти в глубокий кювет.

– До селения не дотянем. Лезь в кузов! – приказал небритый.

Молодой кивнул, мол, понял, что от него требуется. Он вытащил из-за спинки сиденья автомат и нырнул в прорезанное в задней стенке кабины окошко. Опрокинувшиеся кеги громыхали в тесном кузове, перекатывались, били в низкие борта. Задний брезентовый полог развевался на ветру. Дырки от пуль на нем складывались в замысловатую картину, напоминающую карту звездного неба. А за брезентом в пыли чуть угадывался контур подпрыгивавшей на неровностях дороги милицейской машины. Динамики на крыше правоохранители забыли отключить, из них то и дело вылетали когда проклятия в адрес беглецов, когда ругань милиционеров между собой. Парень, ухватившись левой рукой за стойку тента, принялся стрелять с правой. Силуэт машины преследователей тут же отдалился, растаял в пыли.

«УАЗ» подбросило, подлетевший на добрых полметра тяжелый кег ударил молодого кавказца по рукам. Парень вскрикнул, разжал пальцы, выронил автомат, поднять не успел. Кеги уже перекатывались по оружию. Племяшка сам еле уворачивался от «оживших» металлических бочек.

– Чего не стреляешь?! – донеслось из кабины.

В клубах пыли вновь появился приблизившийся милицейский автомобиль. Прозвучала короткая очередь. Дорога повернула, пошла в гору. Налетевший ветер увел пылевой шлейф в сторону. Теперь преследователи уже четко видели растерявшегося безоружного паренька в кузове основательно потрепанного «УАЗа».

Молодой кавказец, преодолевая боль в поврежденной руке, сумел-таки ухватить автоматный ремень и вытащить оружие из-под перекатывающихся кегов. Он с остервенением вдавил спусковой крючок, однако выстрелов не последовало – затвор заклинило.

Лейтенант, высунувшись в окно, выстрелил одиночным, зато прицельно. Пуля, срикошетив о кег, высекала искру и с урчанием пронеслась возле самой головы парня. Капот муниципальной машины уже буквально подпирал «УАЗ» сзади. Последовал несильный удар. Грузовичок вильнул, выровнялся, еще раз вильнул, чуть не уйдя с дороги в нагромождение камней. Звук захлебывающегося двигателя свидетельствовал, что машине осталось жить недолго, из-под кабины валил пар.

– Догоню – убью, на хрен, – донеслось из громкоговорителя.

В окошечке перегородки мелькнуло перекошенное злобой лицо небритого, блеснули зеркальные очки. И паренек понял, что если разговор о взрывчатке в раме «УАЗа» не был дурацкой шуткой дяди, то вот и настало ей самое время бабахнуть. А дядя Руслан лишь хочет убедить, близко ли подошли менты – унесет ли на тот свет взрывом и их.

Лейтенант медлил с выстрелом, целился, насколько это позволяла тряска, а может, просто понимал, что никуда уже беглецы не денутся и их захват всего лишь вопрос времени. К тому же очень скорого времени.

Молодой кавказец в отчаянии откинул автомат, схватил тяжелый пивной кег, поднял его над головой – откуда только сила взялась – и бросил. Серебристая бочка мелькнула, чиркнув о задний борт, перевернулась в воздухе и вошла в лобовое стекло муниципальной машины, словно бы его и не существовало. Кег впечатал затылок сержанта в подголовник и мгновенно сломал, как хрупкие спички, стойки вместе с напряженной вытянутой шеей водителя. Почти не потеряв своей разрушительной силы, он ушел дальше в салон. Лейтенант даже не успел толком понять, что произошло. Разлетевшееся на мелкие кубики лобовое стекло осыпало его с ног до головы. Краем взгляда он еще заметил рядом с собой обезглавленного сержанта.

Лишенная управления машина ушла в сторону, ударилась передним колесом в торчащий за обочиной острый камень, почти стала на радиатор, а затем и перевернулась, завалившись на бок. Взвыл и захлебнулся двигатель. Еще вращались по инерции задние колеса, вытекал из-под смятого крыла то ли дым, то ли пар. Оторванный капот лежал у камня рядом со снесенными с крыши динамиками. Согнутые стойки потрескивали. Крыша прижалась к спинкам сидений.

Небритый притормозил, недоверчиво глянул назад, оценил масштаб разрушения и осторожно дал задний ход.

– Чем ты их так уделал? – спросил он у племянника.

Побледневший парень жался к окну, отделявшему его от дяди.

– Это... это... я кег в них бросил. Автомат заклинило... ну, я и...

– Молодец. Только сперва у меня спросить надо было. Автомат, говоришь? – Тангаев прыгнул на землю, снял зеркальные очки и властно протянул руку: – Дай, гляну.

Парень проникся уверенностью старшего родственника, даже не подал, а ловко бросил ему автомат. Небритый словил его, поставил приклад на землю и каблуком ударил по рычажку затвора. Металл скрежетнул и клацнул. Вылетел заклинивший патрон.

– Порядок. Пошли, только вперед меня не лезь, люди – твари живучие. – Полевой командир осторожно приближался к перевернутой машине. Автомат он держал наготове, вода ством из стороны в сторону. – Никто не выпрыгнул? Все были внутри, когда перевернулись?

– Все, дядя Руслан. Сам смотрел и видел.

Внутри автомобиля что-то еще шипело, щелкало, и было не понять, что именно. То ли кто-то оставался жив, пытался выбраться, то ли искореженная техника оканчивала свое существование.

– Стой, – Тангаев приподнял руку и осторожно опустился на корточки, заглянул в выбитое ветровое стекло.

Водитель был наверняка мертв. Сперва полковому командиру показалось, что голова сержанта исчезла неизвестно куда. Но, заглянув в дверцу, он увидел то, что от нее осталось и находилось теперь за спинкой сиденья. Вместо лица – кровавое месиво. Шея растянулась, пере-

ломилась, но не порвалась. Зажатый в машине лейтенант был жив и пытался дотянуться до автомата. Он затравленно смотрел на Тангаева. Тот улыбнулся, запустил руку внутрь салона и осторожно потянул автомат на себя. Завладев оружием, вроде бы потерял к беспомощному лейтенанту всякий интерес и обошел машину. Контрактник, находившийся во время катастрофы на заднем сиденье, теперь ничком лежал на прижатом к спинкам потолке машины. Его широко открытые глаза оставались неподвижными, из приоткрытого рта текла кровь. Ноги конвульсивно дергались.

– А кег где? – спросил Тангаев как-то уж очень буднично.

– Не знаю, – растерялся молодой, колени его подрагивали, нижняя губа мелко тряслась, он смотрел и не верил, что разрушение и смерть людей – дело его собственных рук.

Дядя приобнял племянника за плечо, вложил ему в руки автомат. Сам вытащил самодельный нож с широким лезвием, несколько раз провел им по шершавой ладони, как по абразивному бруску, согнулся и глубоко полоснул дергающегося контрактника по горлу. Раздался булькающий звук, ноги в ботинках еще раз согнулись и выпрямились. Парень захлебнулся кровью.

– Это агония была. Не жалец уже, – буднично пояснил дядя племяннику свой поступок.

Лейтенант не мог видеть, что происходит у него за спиной, но догадаться было несложно. Милиционер лихорадочно задергался, пытаясь просунуть руку вдоль ноги – мешала панель машины.

– Не суетись, – спокойно посоветовал Тангаев. – Не вытащишь ты пистолет. Или за рацией полез? Тоже зря. Раньше надо было подкрепление вызывать. А теперь мы с тобой один на один.

Лейтенант затравленно смотрел на заглядывающего ему в глаза полевого командира. Сильному тренированному мужчине некуда было податься – сложившаяся, покореженная машина надежно зажала его на одном месте.

– Ты деньги просил? Просил, – словно рассказывал народную сказку, говорил Тангаев. – Я тебе и твоим людям дал, сколько просил. Зачем тогда гнался? Стрелял зачем? Сказал бы сразу: больше дай. Я б тоже дал. Ну, может, поторговались бы немного. Каждый за свою работу получать должен. Ты за свою, я за свою. Так что ты сам и виноват. Ты по рации своим не успел сказать, где находишься, кого видел?

– Не сказал. Слушай, не убивай, договоримся, – прохрипел лейтенант.

– Убивать не буду, – миролюбиво проговорил Тангаев. – Значит, ничего не успел сказать и никому ничего не скажешь? Курить хочешь?

Вопрос прозвучал дико и неуместно. Но лейтенанту и в самом деле страшно хотелось закурить. У него все кости остались целы, лишь губу немного разбил да ударился головой, когда машина перевернулась. Тангаев поднял пачку сигарет, выпавшую из перевернутой машины, щелкнул зажигалкой. Прикуривать не стал, просто подержал кончик сигареты над огоньком, пока тот не задымился.

– Растягивай быстрей, а то погаснет, – полевой командир положил сигарету на землю.

Лейтенант взял ее непослушными пальцами, глубоко затянулся. Кончик сигареты зардел алым угольком.

– Мы тебя убивать не хотели, – скороговоркой выпалил лейтенант. – Деньги бы взяли, и все. Разошлись бы миром.

– Сколько взять собирались? – прищурил с интересом один глаз Тангаев.

– Десять тысяч зеленых, – честно признался милиционер.

– Интересно, – покачал головой небритый. – Разве десять на три делится? Плохо у тебя с арифметикой. Это вчера я десять тысяч стоил, а теперь больше. Продешевил бы ты, лейтенант. Ладно, помолись, если в Бога веришь.

– Ты же обещал... – милиционер поперхнулся дымом, сигарета вывалилась изо рта, откатилась в пыль.

– Не я убью, а он, – Тангаев скосил глаза на племянника. – Разве что у тебя десять тысяч зеленых с собой найдется... Вот видишь, нет у тебя с собой таких денег. Тогда почему думал, что у меня есть? Тоже убил бы, если бы я тебе их не дал? А домой отпустить тебя я не могу. Ты бы меня не отпустил. Верно говорю?

Милиционер дергался, пытаясь просунуть руку к пистолету. Он ощущал его у своего бедра, но ладонь не проходила, упираясь в покореженную дверцу. Молодой кавказец смотрел на дядю.

– Чего ждешь? – спросил Тангаев.

– Не получается, – выдавил из себя парень.

– Ты же в них уже стрелял, убить хотел. А теперь – не получается? Они бы на твоём месте сейчас не думали. Давай, времени мало.

Руки молодого напряглись, словно он сжимал в них не легкий автомат, а штангу. Но выстрела так и не прозвучало. Одно дело стрелять в пылу погони, когда стреляют в тебя. И совсем другие чувства накатывают, когда целишься в беззащитного человека, который смотрит с мольбой о пощаде в твои глаза.

– Э... придется тебя назад отправить, овец пасти, – небритый подошел к племяннику, обхватил пальцами его руки, сжимавшие автомат, направил ствол на машину. – Давай.

Лейтенант тихо – почти беззвучно – вымолвил:

– Не на...

Одиночный выстрел оборвал его на полуслове. Кровь тонким ручейком потекла из простреленной головы. Молодой вздрогнул, словно пуля попала в него самого, закрыл глаза.

– Не переживай. Ты же сам просил тебя ко мне взять. И не с пустыми руками пришел, автомат принес. Я своего первого тоже не сразу пристрелил. Ты пойми, он бы тебя не пожалел. Даже не думал бы.

– Да, дядя Руслан, понимаю.

– Вот и хорошо.

Тангаев еще раз приобнял племянника, вселяя в него уверенность, и отошел к камням. Сел на них, достал мобильник и принялся тыкать кнопки. На этот раз он не колебался со звонком. Ответили ему практически сразу, абонент явно не расставался с телефоном.

– ... да, да, слушай, – после короткой паузы проговорил Руслан Тангаев в трубку. – Задержаться пришлось, вынужденная остановка у меня получилась. Одни мужики давно меня не видели, как узнали, стали пива просить. Так сильно захотели, что пришлось их угостить – проставиться. Вот с ними и задержался. Перебрали они, я их спать уложил. Только неудобно получается, на голой земле сейчас отдыхают. Надо бы их в хорошее место доставить. А у меня машина забарахлила. Дальше на ней ехать боюсь. Километров десять еще протяну. А?..

Тангаев замолчал, ждал, пока таинственный абонент осмыслит его иносказание. Затем полевой командир весь превратился во внимание, слушал, боясь пропустить хоть слово. Явно и собеседник общался с ним не прямым текстом, не спешил называть вещи своими именами.

– Понял... понял... – приговаривал полевой командир, поглядывая на племянника. – Ты уж извини, что так получилось. Все, до связи.

Небритый захлопнул «раскладушку», сунул ее в карман куртки и добавил уже племяннику:

– Скоро будут.

Ждать пришлось недолго: минут через тридцать на пустынном проселке показался эвакуатор с тюками прессованной соломы на платформе. Замер – водитель двигатель не глушил. Тангаев со своим родственником выбрались из ближайших зарослей. Если бы не искореженная милицейская машина и не изрешеченный «УАЗ», выглядели бы они вполне мирно, ору-

жие спрятать успели. Водитель эвакуатора увиденному не удивился, деловито зацепил трос за перевернутый автомобиль и оттащил его с дороги.

– Может, его в горы затащить и в пропасть сбросить? – предложил Тангаев.

Водитель эвакуатора покачал головой.

– О нем Иса чуть позже позаботится. А пока сказал так сделать...

Все втроем сноровисто принялись разрезать веревки, стягивающие тюки, и забрасывать машину с трупами соломой. Получилось не слишком убедительно, но неровная скирда с дороги в глаза не бросалась – идеально вписывалась в сельский пейзаж.

Затем эвакуатор подъехал к «УАЗу».

– На трос возьмем, – распорядился Тангаев.

Не прошло и получаса, как эвакуатор втащил за собой скрежещущий трансмиссией «УАЗ» в широко раскрытые стальные ворота автосервиса, расположенного перед въездом в небольшой поселок. Над воротами красовалась вывеска «С.Т.О. у ИВАНЫЧА».

Двое мрачного вида кавказцев тут же плотно закрыли створки ворот, скрыв от посторонних глаз покалеченный «УАЗ». Из-за высокого забора долетали затихающие звуки готовившегося к ночи селения. Блеяли овечки, мычали коровы, лениво лаяли собаки. Тангаев задрал голову и посмотрел в небо на проклюнувшиеся звезды.

– Когда ты, Иса, успел Иванычем стать? – повернулся полевой командир к хозяину автосервиса – немолодому мужчине с проклюнувшейся на висках сединой.

– Маркетинговый ход такой. Наши в любом случае ко мне обращаются, а русские на вывеску клюют. Не зеленый же флаг с цитатой из Корана мне над входом вешать, – усмехнулся Иса и заглянул в кузов. – Мы же тоже россияне. Я же говорил, что пивные кеги – это плохо. Вот и заподозрили.

– Ничего они не заподозрили, – Тангаев устало вытер лоб. – Вот мешки с сахаром, как ты советовал, – это совсем плохо. Мы их уже отыграли. Да и не насыплешь эту дрянь в мешки.

– Дядя Руслан, так в кегах не пиво? – тихо спросил молодой кавказец, и в его потухших глазах наконец вновь появился блеск. – Что же ты раньше мне не сказал?

– Пиво... пиво у нас в кегах... – Тангаев многозначительно подмигнул племяннику. – И им пол-России до усрачки напоить можно. А теперь нечего тебе здесь шлаться, иди – поспи немного. Нам еще долгая дорога предстоит.

Молодой человек не стал спорить, хоть после сегодняшней встряски ему и не хотелось спать, но слова влиятельного дяди были для него законом.

– Доброй ночи, дядя Руслан, – вымолвил он и пошел к дому.

Мрачные автомеханики уже закатывали пробитый пулями «УАЗ» в бокс. Тангаев и Иса-Иваныч неторопливо двигались следом.

– Я должен был тебе три кега доставить, – тихо сообщил полевой командир. – Но один из них мой племяшка в ментов бросил. Не знал, что внутри. Где-то там теперь и лежит; мы искали, не нашли. Пусть потом твои люди поищут. Так что только два оставлю.

– Как скажешь, Руслан.

– Ты их получше спрячь. Думаю, завтра всполошатся. Искать своих станут, всех на уши поставят. К тебе тоже нагрянут.

– Я уже все придумал и своих людей предупредил. Место надежное. Хозяин наш сказал, что и здесь у него все схвачено.

– Сам сказал?

– Не сам, конечно. У него других дел много. В Москве он сейчас.

«УАЗ» закатили на подъемник, откинули задний борт. Под пристальным взглядом Исы автослесари выгрузили два кега, отнесли их в сторону. Крышка вместительной – литров на пятьсот – металлической емкости с грязно-маслянистой табличкой «ОТРАБОТКА» была уже

открыта. Слесари один за другим погрузили в отработанное масло кеги. Черная густая жидкость приняла, словно всосала в себя, блестящие цилиндры, крышка закрылась.

– Они никогда сюда не лезят, – улынулся Иса.

– Долго им здесь не лежать, – отозвался Тангаев.

Слесари уже перегружали оставшиеся кеги в «Газель», стоявшую в соседнем боксе.

– Пошли, – предложил Иса и повел гостя к узкой металлической лестнице, ведущей в застекленный кабинетик под самым потолком.

Тангаев расположился на потертом стуле, на другой стороне старого письменного стола устроился Иса. Его офисное кресло выглядело убого. Замасленная обивка, один подлокотник оторван.

– Это чтобы выбираться из-за стола быстрее было, – пояснил хозяин станции технического обслуживания и, налив гостю стакан крепкого чая, бросил в него листок мяты. В стеклянной коробочке кабинета сразу же распространился приятный щекочущий запах.

– Значит, так. К утру сделаем тебе новые документы. Маршрутный лист и накладные выпишем на Краснодар, там тебя встретят. На этот раз организация четкая, никакой импровизации и сюрпризов. Ты уж извини, что я этот пост проморгал. – Иса водрузил на кончик носа узкие, в золоченой оправе очки, отчего тут же показался полевому командиру раза в два умнее.

– Бывает, – снисходительно пробормотал Тангаев. – Большие дела без накладок не обходятся.

Он смотрел сквозь стеклянную стену на то, как слесари поднимают покалеченный «УАЗ», как сноровисто снимают с него колеса, кабину. Сипел компрессор, гудели пневматические отвертки. Пыхнул газовый резак. Веером посыпались искры. Машина, еще недавно резво бегавшая по дорогам, буквально на глазах исчезала, превращаясь в кучу запчастей и груды металлолома. И не было уже силы, способной вновь вернуть ей «жизнь», собрать разрозненные части в работоспособный механизм.

Тангаев озабоченно вздохнул. Ему не хотелось признаваться даже перед самим собой, что увиденное навеяло ему мысли о собственной будущей судьбе. Как прагматик, он понимал, что ему, как полевому командиру, вряд ли предназначено умереть в своей постели, окруженному родственниками. Обычно люди, подобные ему, оканчивали жизнь при попытке захватить их. Так проще штурмующим, властям и правосудию. А потом обезображенные тела показывали в вечерних выпусках теленовостей. Именно такая судьба до недавнего времени была однозначно уготована и Тангаеву. Но около месяца тому назад у него появился шанс изменить свое будущее. От человека – а ему он не мог не доверять – поступило предложение, от которого трудно было отказаться, сделанное самим «хозяином». И полевой командир не упустил свой шанс – согласился. Вот именно потому он и сидел сейчас напротив Исы, а внизу его ждала «Газель» с тяжелыми пивными кегами в кузове.

Руслан Тангаев глотнул мятного чая, жадно втянул ноздрями его пряный аромат. В голове слегка посветлело, кровь перестала стучать в висках. Иса шелестел за столом бумагами, отрывал от пачки номерные накладные, ставил печати. Рядом с ним в длинном фанерном пенале их стояло больше двух десятков.

Полевой командир обвел взглядом тесное помещение. Пыльные, давно немытые стекла, тронутые ржавчиной металлические переплеты, убогая мебель. Над дверью висел небольшой парадный портрет президента родной для Исы и Тангаева автономии, которую в выпусках новостей дикторы обычно называли проблемной северо-кавказской республикой. На груди безбородого, а потому и молодежавшего президента золотился знак лауреата Государственной премии. А рядом с портретом виднелась арабская вязь – вышитая серебряной нитью по шелку цитата пророка, обращенная к торговцам, обязывающая их вести свое дело честно, не обманывать покупателей. И парадный портрет, и благая цитата были оправлены в одинаковые золоченые рамочки.

- Имам, а бороды нет, – тихо произнес Тангаев. – Станет имамом – отпустит.
- Ты что-то сказал? – вскинул голову Иса.
- Так, сам себе.
- Итого, Руслан, сколько тебе кегов пива в накладную вписать? – Иса указательным пальцем подправил очки.

Глава 2

Это только кажется, что Подмосковье застроено вдоль и поперек: дороги, подъезды, коттеджи, высокие заборы с видеокамерами... В нем по-прежнему есть девственно дикие места, где практически не ступала нога человека. И расположены они совсем недалеко от оживленных трасс, городов и поселков. Даже небольшое болото, раскинувшееся вдоль речной поймы, надежно охраняет берег от любителей отдыха на природе. Если кто и сунется в трясину по незнанию, быстро повернет назад. Кому охота измазаться в грязи, если совсем неподалеку можно подъехать к самой реке на машине? И лишь немногие знают тайные тропинки, ведущие к таким местам. Знают, где можно ступить, чтобы не провалиться в трясину, куда свернуть, каким путем обойти гиблое место. Вроде бы все и на виду, но доступно не каждому, а только посвященному.

Так и в жизни. Кажется, что сегодняшнее общество структурировано до предела. О людях известно практически все, любой ваш шаг на виду. На каждого гражданина имеется с десяток файлов-досье в самых разных структурах: от милицейского райотдела до банка, где человек взял кредит. В паспорте стоит штамп с адресом-регистрацией. Все ваши телефонные звонки и текстовые сообщения надежно фиксируются в памяти компьютеров и хранятся там годами. Сотни видеокамер круглосуточно следят за улицами больших городов. При желании можно отследить все ваши перемещения, связи, друзей, родственников и знакомых. Однако есть люди и даже целые структуры, ухитряющиеся и в этом мире оставаться «невидимками». Их практически невозможно взять под контроль, нельзя «вычислить», отследить. Да, человека может остановить на улице милицейский патруль, тормознуть на трассе сотрудник ГИБДД; проверят документы, пробьют по базам данных. Все окажется в порядке: и адрес, и место работы, и биография – копай хоть до седьмого колена. Но фокус в том, что через месяц, когда в этом возникнет необходимость, вся эта полезная информация может бесследно исчезнуть из баз данных, а у человека-невидимки появятся новые – самые настоящие – документы. Для этого нужно иметь очень высоких покровителей – тех, кто не только имеет доступ к базам данных, но и причастен к их составлению. Скажете: нельзя вырубить топором то, что написано пером? Так это про другие времена! Теперь же все, записанное на компьютер, при помощи компьютера же и переписывается в течение долей секунды. Надо лишь иметь коды доступов к программам и знать, где дублируется информация.

Меняются не только досье, но даже и лица, данные людям от природы. Пластическая хирургия совершает настоящие чудеса. И даже специальная программа, сканирующая и распознающая физиономии людей, попавших в поле зрения видеокамер наблюдения, не поможет. Да, люди-невидимки существуют, они живут рядом с нами.

Одним из таких людей и был Андрей Ларин. Бывший оперуполномоченный уголовного розыска, бывший зэк, отсидевший пять лет на ментовской зоне по ложному обвинению лишь за то, что попытался в одиночку противостоять коррумпированной власти, опираясь только на закон и понятия о чести офицера. К исходу пятого года отбытия наказания он уже и сам поверил в то, о чем ему шептало зоновское начальство и пригретые им сидельцы: все, твоя жизнь не состоялась, семья потеряна, ты тут сгниешь, погибнешь и никогда больше не увидишь свободы. А продолжал сопротивляться Ларин, отстаивая свое достоинство, лишь из упрямства. Вот тогда и случилось чудо. Нашелся человек, который тайно искал именно таких не сломленных системой, как Андрей. Он-то и устроил ему хитроумный побег из мест заключения. Беглеца даже не искали; всем было удобней признать Ларина в обгоревшем до неузнаваемости трупе, чем организовывать поимку беглого зэка.

Этого человека, своего благодетеля и одновременно тирана, Андрей знал как генерала Дугина. Знал, что тот руководит одной из заоблачных аналитических структур в системе МВД

России. Но так ли это на самом деле, настоящая ли фамилия Дугин или же подпольный псевдоним в созданной им тайной организации? Этого он даже не стремился узнать. Для Андрея главным было другое: он поверил Дугину, поверил в его честность. И ради этой веры стоило начать новую, полную смертельных опасностей жизнь.

Дугину удалось невозможное: он сумел объединить в тайной организации честных офицеров из МВД, не желавших мириться с тотальной коррупцией в государстве. Он сумел наладить в ней строжайшую конспирацию. Все нити управления организацией сходились к нему и, как подозревал Ларин, еще к паре-тройке доверенных людей. Остальные же знали только тех, с кем им приходилось выполнять тайные поручения Дугина. Иногда офицеры служили в одном подразделении, даже делили один кабинет на двоих и не подозревали, что сослуживец тоже является членом тайной организации. Для достижения поставленных целей Дугин позволял своим людям нарушать закон – главным для него была справедливость. Он просматривал положенные под сукно уголовные дела, заведенные в свое время на влиятельных чиновников, отслеживал несправедливо вынесенные приговоры, внимательно вчитывался в журналистские расследования. Если понимал, что причина, по которой бывший подозреваемый остался на свободе, – высокопоставленные покровители-подельщики и взятки, то своими методами показательно карал преступников при должностях и погонах. Это мог быть грамотный вброс добытой и тщательно подобранной компрометирующей информации, после чего виновным приходилось расставаться с хлебной должностью. Случалось, коррупционеров захватывали, физически принуждали расстаться с документами и неопровержимыми вещдоками, а потом они уже всплывали в процессе следствия и в суде. Дугина не смущало, если ему удавалось упечь за решетку разворовавшего миллионы чиновника столичной мэрии за растление малолетних, к которому тот на самом деле и не был причастен. Ему было важно другое: коллеги чиновника прекрасно понимали, за что на самом деле сел их товарищ, и начинали чувствовать, что за ними незримо наблюдают те, кого невозможно купить или запугать. И ощущение неизбежности наказания делало свое дело. Руку, уже протянутую для получения взятки, чиновники пугливо отдергивали, задумывались, прежде чем подписать оплаченное нечистоплотным бизнесом решение. Переделать систему, по которой жила страна, Дугин и другие члены организации не могли, да и не пытались; они лишь по мере возможности делали мир чище, своими методами устраняя от власти и должностей самых отъявленных мерзавцев. Иногда приходилось прибегать и к физическому устранению, но это уже в тех случаях, когда, как говорят в народе: «такого гада и десять раз убить мало».

Бывший опер Андрей Ларин, вытщенный Дугиным с ментовской зоны, стал карающим копьем организации, вернее, одним из копий. Сколько их всех, знал только сам Дугин. Ларин расстался со своим прежним лицом, биографией, прошлой жизнью и сделался одним из людей-невидимок. Теперь он мстил тем, кто ломал судьбы людей, позорил и разорял его страну, откупался украденным от закона. Нелегкая выпала ему роль – приходилось во всем доверять Дугину, ведь от него поступала информация, которую сам Андрей не имел возможности проверить. Иногда приходилось верить просто на слово, что жертва заслужила жестокое наказание. И средства расправы выбирал обычно Дугин. Андрей был одновременно и следователем, и палачом. Документы, ключи от конспиративных квартир, где Ларин подолгу не задерживался, тоже поступали от Дугина.

Андрей уже успел свыкнуться со своей ролью. Ему теперь казалось, будто прежняя его жизнь принадлежала кому-то другому – совсем чужому человеку, не имеющему к нему никакого отношения. Возможно, так ему просто легче стало жить. Вроде ничего и не потерял. Захоти Ларин уйти от Дугина, он не мог бы этого сделать: причастность к тайне крепко связала их, лишила свободы действий. И с этим приходилось считаться. Иногда Андрея не тревожили по месяцу и больше, а потом появлялся Дугин с новым заданием от тайной организации. Генерал-аналитик не любил повторяться по части выбора места встречи. Конспирация была

его коньком. Вот и теперь он назначил не совсем обычные место и время. И Ларин оценил изобретательность своего покровителя.

Андрей свернул с Симферопольского шоссе уже за Серпуховом, его тихоходный скутер почти неслышно скользнул на укатанную гравийку. Чувствовалась близость большой реки. В воздухе пахло влагой и прелой листвой. Ночь накрыла землю звездным куполом. Свет фары скользнул по бетонному забору недостроенного особняка, послышался собачий лай. Гравийка сузилась, превратившись в широкую тропинку. Теперь уже фара высвечивала стволы сосен. Дорожка петляла между старыми деревьями и упиралась в густые заросли, продираться сквозь которые нормальный человек вряд ли бы решился. Ларин заглушил двигатель, отвязал от сиденья складные удочки. Он чувствовал: за ним наблюдают, но даже не пытался определить, кто и откуда; знал, что свои – человек или люди Дугина, те, кому поручено держать под контролем подходы к месту встречи.

Из-за густых зарослей слышалась тихая музыка, Андрей улыбнулся, узнав мелодию. Ветви раздвинулись, за ними стоял Дугин с фонариком в руке; кожа его лысой, как колесо, головы чуть поблескивала.

– Ты пунктуален, – проговорил руководитель тайной организации. – Проходи.

Сказано это было так, словно Андрея приглашали пройти в кабинет, а не на берег реки. Предложением он, естественно, воспользовался.

– Да, красиво жить не запретишь, – оценил Ларин обстановку.

Песчаная коса уходила в реку на десяток метров, возле нее серебрился в лунном свете небольшой катерок с обтекаемой кабиной. Дверца было приоткрыта, из-за нее и доносилась тихая музыка – приглушенным зеленым светом переливался проигрыватель компакт-дисков. Пел Утесов. Запись звучала совсем старая – довоенная, сделанная с пластинок, какие еще слушали на патефонах. Музыка и пение сопровождало пощелкивание корундовой иголки, шипение царяпин.

– Твое любимое, – коротко улыбнулся Дугин. – Помню.

– Вы умеете удивлять, – отозвался Ларин.

На берегу горел костерок. У самой воды виднелись удочки и брезентовые креслица. Ближе к лесу стояли две палатки.

– Сегодня можешь себе позволить немного расслабиться, – говорил Дугин, подводя Андрея к воде. – Только утром вернемся в город. Чертовски люблю рыбалку, вот только времени на нее совсем нет. А ты?

– Можно подумать, что у вас нет на меня подробного досье.

– Есть, – Дугин вновь улыбнулся. – Но о рыбалке в нем нет ни одного слова. Кстати, о словах. Ты знаешь, кто такой или что такое «имам»? Ты подумай, сразу не отвечай, а я мигом.

Дугин поднялся на борт катера и вскоре вернулся с запотевшей бутылкой холодной водки и маленькими рюмочками из нержавеющей стали.

– А это специально для тебя, – протянул он Ларину бутылочку морковного сока. – Не понимаю, как ты умудряешься запивать им водку, но чужие странности я уважаю.

– Это не странность – это привычка, – Ларин принял из рук Дугина налитую на две трети рюмочку, приподнял, ожидая, что скажет собеседник.

– За нашу природу, – вздохнул Дугин. – Только когда смотришь на это великолепие, видишь блеск ночной воды, слышишь, как всплеснет рыба да про шумит в кронах ветер, начинаешь понимать, насколько мелка и бессмысленна человеческая возня. Что значит какой-нибудь напыщенный чиновник или политик по сравнению с великолепием русской природы.

– Что-то вас на философствование пробило, – Ларин чокнулся с Дугиным, отпил глоток и отставил рюмку на лежащее у костра бревно.

– Ну, вспомнил, что такое «имам»?

– Смутно, но представляю: тюрбан, белая одежда с длинными рукавами. Так, кажется, у мусульман называют уважаемого всеми человека, которого община верующих выбирает для чтения Корана в храме и для ведения общей молитвы. У них нет священников в нашем понимании.

– Неплохо, – кивнул Дугин. – Однако это не единственное значение. Главное и основное: имам в мусульманском мире – пример для подражания. Да, его выбирают верующие, но утверждают светские власти, причем пожизненно.

– Пожизненный пример для подражания, утвержденный светской властью? – задумался Андрей. – Это звучит гордо.

– Восток – дело тонкое, и мы, русские, не всегда улавливаем эти нюансы. Мусульманин может быть недоволен властью, ругать своего правителя, но ему и в голову не может прийти, что его можно сменить. Властитель у них не бывает бывшим. Это почти бог.

– Властителя можно сменить, только убив?

– Я не только про это, Андрей, я про обожествление власти на Востоке. Слово «имам» дословно переводится с арабского на русский как «предводитель».

– Понял, – Ларин сделал еще один маленький глоток водки. – А на немецкий, значит, «фюрер».

– Вот-вот, – непонятно чему обрадовался Дугин. – Именно «фюрер». Ты уловил суть. Емче и не скажешь. Речь идет о назначении федеральным центром местного князька-хана региональным фюрером со смутно очерченными полномочиями. Почти как при прошлой власти было сказано: «А суверенитета возьмете себе столько, сколько сумеете унести». Вот взяли и понесли, до сих пор отбирают по частям и никак все забрать не могут. Ты понимаешь, что после этого неменяемый президент автономии практически станет третьим по значимости лицом в нашем государстве. А в мусульманском мире, кишашем международными террористами, – вообще первым.

– Насчет третьего лица в государстве вы меня убедили. Комбинация насколько действенная, настолько же отвратительная. Но, честно говоря, не совсем понимаю. Если речь идет о моем новом задании...

– погоди. Тебе знаком этот человек? Я не о личном знакомстве говорю, – Дугин взял с брезентового рыбацкого стула папку и подал ее Ларину.

Сколько уже было подобных папок во время их встреч? Андрей не считал. Одной и той же оставалась обложка – из натуральной кожи. Старая добротная сафьяновая папка. У Дугина имелись свои странности. А вот содержимое менялось раз от раза. Ларин раскрыл обложку. Внутри лежали фотографии, компьютерные распечатки, заправленные в прозрачные файлы. С большой цветной фотографии на Ларина смотрел мрачного вида молодой мужчина восточной внешности. Он явно хотел казаться старше своих лет, потому, наверное, и насупил брови. На груди золотился знак лауреата Государственной премии.

Дугин уже забрасывал удочку, подсвечивая себе рыбацким фонарем.

– Узнал?

– Парадный портрет президента – правда, я бы не хотел употреблять это слово применительно к нему – одной проблемной автономной кавказской республики, – проговорил Ларин. – Не сомневаюсь, что информация в папке интересная и местами шокирующая. Ваши люди не готовят документы для представления к государственным наградам.

Дугин, не оборачиваясь, проговорил:

– Да-да. Это молодой харизматический лидер северокавказской республики. Очередной герой, слепленный пропагандой. Вернее, парадный портрет героя. Обычно журналисты кремлевского пула представляют его публике как «жесткую руку, на которой все держится». Мол, он, конечно, далеко не ангел, но только он один способен поддерживать мир в этом полугосударственном образовании и предотвращать вылазки соплеменников-террористов. Только он

обеспечивает лояльность своего народа к федеральной власти. Он, и никто другой. Короче, классическое: он, конечно, сукин сын, но ведь это наш сукин сын. К тому же незаменимый. Иногда тошно становится слушать эту ахинею для идиотов, которую проговаривают с серьезными лицами на всю страну люди при должностях и даже с некоторой репутацией.

– Я думаю, проговаривают не бесплатно, – вставил Ларин.

– А я не думаю, я знаю расценки. На самом-то деле, этот так называемый автономный президент – обычное плотоядное и кровососущее чудовище всего лишь с заочным высшим техническим образованием, которое числится теперь почетным членом-корреспондентом и лауреатом Госпремии. Известное дело, как покупаются у нас политиками научные звания и награды. Даже формулировку соответствующую придумали: по совокупности заслуг. Ну, и пусть бы тешил свое самолюбие. Но он типичный восточный деспот, жестокий и порочный. Амбициозен, себялюбив, до потери сознания одержим мыслью «войти в историю». А главное – безграничной власти, которая у него есть сегодня в его республике, ему явно стало мало. Мнит себя в будущем куда в более серьезной роли. И, возможно, не только в формате Северного Кавказа.

– Все это невозможно без поддержки федеральной власти. Неужели в Кремле окончательно впали в маразм? – не слишком удивился Ларин. – Сегодня он захочет быть президентом объединенной северокавказской федерации. А завтра? В президенты РФ баллотироваться? Сколько Кремль разных социально близких диктаторов кормил – рано или поздно они поворачиваются к нему спинами! А главное, эта республика – бездонная яма. Сколько туда денег из бюджета идет!

– Деньги – не самое страшное. – Дугин отложил удочку и повернулся к собеседнику лицом. – Одно время мы стеной стали на пути вхождения криминала во власть. Была сделана ставка на «твердую руку». Многого удалось. Всякие братки и уголовные авторитеты перестали быть примером для подражания у подрастающего поколения. Они были сметены со сцены национальной истории. Но произошло другое. Теперь дети мечтают податься в чиновники. Власть и силовики вписались в освободившуюся криминальную нишу, занялись банальным крышеванием. В случае же проблемной северокавказской республики не произошло даже этой рокировки. Там не уголовники, а вчерашние бандиты и террористы стали официальной властью.

– Бывших террористов не бывает. Это как космонавт: состояние души и звание на всю жизнь.

– Вот-вот. Они буквально бандами в полном составе и спустились с гор. Даже оружие не сдавали. Служить в милицию и спецслужбы республики пришли со своими автоматами. В один прекрасный день незаконные вооруженные бандформирования стали законными бандформированиями. Вчерашние полевые командиры и бригадные генералы абсолютно легально получили общероссийские звания, погоны и удостоверения. Получили и доступ к секретной информации. С ними сделалось невозможно бороться, потому что они сами стали частью государственной системы. Они уже и в центральных органах управления – свои люди: делают карьеры, перетаскивают своих, отмазывают родственников и соплеменников от судов.

– Послушать вас, так скоро начнешь рассуждать как незатейливый обыватель, начитавшийся черносотенских газетенок. Мол, повсюду полно «черных», и с каждым днем их становится больше. Скоро они все скупят и «баб наших трахать будут», а «мы все их рабами станем», – не удержался от того, чтобы не поддеть Дугина, Ларин.

– Я не о том. Преступники не имеют национальности. И мне без разницы, говорят они по-русски с кавказским акцентом или окают, словно жители Поволжья. Как бывший сотрудник уголовного розыска, ты не хуже меня знаешь, что преступность страшна не сама по себе. Одиночек и стихийно возникшие группы достаточно легко ликвидировать. Страшна именно организованная преступность – когда возникает центр, в котором концентрируются средства, откуда идет управление и транслируются идеи. Отсекаешь щупальца, они отрастают вновь и

вновь. Организованная в государственном масштабе преступность способна покупать общественное мнение, политиков. В нашем же случае преступники получили государственный статус, стали неуязвимыми. То же самое, если бы «Аль-Каида» стала филиалом Пентагона и Лэнгли. Это уже раковая опухоль, которую придется вырезать по-живому.

– Я думаю, что с бен Ладеном в своем допуске вы недалеки от истины. Просто филиал вышел из повиновения.

– Шутишь. А мне не смешно. Думаешь, будущий имам не выйдет из повиновения и не укусит руку, кормящую его? Обыватель, о котором ты говорил, по-своему прав. У него на глазах и «страну скупают», и «баб трахают». А видя вседозволенность, он начинает справедливо чувствовать себя рабом. Так что ты не спеши захлопывать папку, которую я тебе дал, взглядишь в лицо этого деятеля. Лицензия на убийство, выданная Джеймсу Бонду, ничто по сравнению с его сегодняшними полномочиями. А он хочет большего. Считается, что этот человек – единственный, кто способен контролировать ситуацию в республике.

– Кем считается? Президентом? Премьером? – прищурился Ларин.

– К сожалению, обоими. Но они-то, по большому счету, не слишком хорошо ситуацией владеют. И бывали там всего пару раз. Ведь проблемная республика – один из многих субъектов федерации. Зато у них есть масса советников «по кавказским делам»... Плюс целый пул аналитиков, журналистов и медиасоветников. Это и есть лобби северокавказского президента. За соответствующее вознаграждение и дуют им обоим в уши о незаменимости этого парня. Средств для покупки нужных людей у него хватает.

– А мы-то тут при чем?

Дугин пристально посмотрел в глаза Андрею; тот взгляд выдержал, глаз не отвел. После значительной паузы руководитель тайной организации продолжал, словно выкладывал в игре главные козыри:

– Несколько дней тому назад в Генпрокуратуру пришло очень интересное анонимное письмо. Там его всерьез не восприняли, и от моего информатора оно попало мне. Написано, судя по всему, человеком, приближенным к этому презу. Другим словом этого деятеля мне называть сложно. Там изложено подробное описание планов презика той республики по захвату власти на всем Северном Кавказе. Я бы не придавал этому значения, но буквально позавчера на Ставропольщине произошли два странных события, которые почему-то никто не связал воедино. Скорее всего, не захотел связывать. Но при этом они странным образом вписываются в план расширения власти, изложенный в анонимном письме.

– Я только просмотрел документы, не успел вникнуть в них, поясните, – предложил Ларин.

– Озвучиваю «официальную версию». Трое командированных в Ставропольский край милиционеров проявили бдительность, на расстоянии нескольких километров преследовали преступников, миновавших их передвигной пост, были обстреляны из автоматического оружия, перевернулись, короче, погибли смертью храбрых. Теперь добавлю от себя. То, что они десять километров гнались за подозрительной машиной и даже не удосужились сообщить об этом по рации, свидетельствует только о том, что они надеялись остановить автомобиль, взять откупные и отпустить ехавших в нем восвояси.

– Что ж, это привычные северокавказские реальности, – пожал плечами Ларин.

– Это один фрагмент общей картины. Буквально вчера в том самом районе, где погибли милиционеры, двое подростков отыскали на кукурузном поле вблизи дороги пивной кег. Я уверен, что он вывалился во время погони из машины, которую преследовали милиционеры. Подростки притащили его в заброшенное хранилище сельскохозяйственных химикатов, что на окраине поселка. При попытке его вскрыть оба погибли.

– Взорвались? Кег был начинен взрывчаткой? Так называемая мина-сюрприз? – попытался самостоятельно восстановить картину Ларин.

– Нет. По свидетельствам очевидцев, кег был пуст, но корпус оставался целым. Видимых повреждений на телах подростков тоже не было. Дальнейшее же поражает. Погибших похоронили, даже не производя вскрытия. Официально они отравились парами просроченных ядохимикатов, оставшихся в хранилище. Кег в качестве вешдока вообще не фигурирует. Он пропал. Насколько мне удалось выяснить, кег без всяких документов, неофициально, приехали и забрали криминалисты из лаборатории ФСБ той самой проблемной северокавказской республики. Остатки чего они в нем обнаружили, даже мне не удалось узнать. Похоже, кто-то знает истинные причины и старательно заметает следы. Короче, имеется предположение, что тот человек, написавший письмо в Генпрокуратуру, был прав. К тому же есть основания считать, что автор анонимного письма бесследно исчез несколько дней тому назад. Контактный телефон, указанный в письме, теперь не отвечает. Последний раз номер был отслежен уже в Москве.

– Когда вы спрашивали меня об имаме, что имели в виду?

– Дело в том, что в окружении президента проблемной северокавказской республики уже подготовлен проект указа об официальном назначении его верховным имамом всего Северного Кавказа. В Москве есть влиятельные люди, способные продать безумный проект в Кремле. Дело за малым, осталось заполучить на этом указе подпись президента России. После чего власть неуравновешенного парня расширится на новые территории.

– И этот указ будет подписан?

– Это пока вопрос без ответа. Сегодня, однозначно, нет. Но игра идет по-крупному. Если воспринимать всерьез отвергнутое Генпрокуратурой письмо, главный фигурант постарается в ближайшее время при помощи верных ему людей максимально дестабилизировать ситуацию в стране посредством терактов, а потом запеть старую песню – мол, только он способен навести порядок и договориться с разными отморозками на Кавказе. Что, кстати, и произойдет, поскольку теракты устроят подконтрольные ему люди. Какие и где, пока не ясно. Параллельно в дело вступят купленные им кремлевские лоббисты. Они и подсунут в критический момент проект указа президенту страны на стол. Минутная слабость, обманчивое желание одним росчерком пера вернуть стабильность и воцарить порядок в многонациональной стране могут сыграть свою роль – указ будет подписан. Вроде бы имам – это и не должность, а что-то вроде почетного пожизненного звания. Однако в соединении с большими деньгами, подконтрольными силовыми структурами, СМИ, осведомителями и московскими лоббистами оно образует гремучую смесь. Мы-то помним аятоллу Хомейни. Он тоже официальных должностей не занимал, считался только моральным и религиозным авторитетом, но правил Ираном покруче теперешнего президента. Временами ему удавалось встряхнуть весь цивилизованный мир. Этого нельзя допустить в масштабах России.

– Согласен. Мне тоже не по душе опасения рядового обывателя. Но не предлагаете же вы мне...

Ларин не успел договорить, Дугин вскинул руку, останавливая его.

– Можешь не напоминать мне мой собственный принцип – обходить стороной первых лиц. Нам далеко до их возможностей. Я не собираюсь губить организацию, созданию которой посвятил всю свою жизнь. Но короля делает свита. Без нее король – пустое место. Вот свитой и займешься. Тебе предстоит внедриться в окружение одного из основных московских лоббистов северокавказского президента, вывести и его, и его коллег, получающих бабло от хозяина, на чистую воду.

– Сперва хотелось бы уточнить, кто же он такой – главный лоббист? – прищурился Ларин.

Дугин протянул ему фотографию:

– Александр Филиппович Глотов. Думаю, хоть пару раз ты видел его; он не любит маячить на телеэкране, но обязательно мелькает в группах на втором плане. Узнал?

– Член Совета безопасности, отвечающий за Северный Кавказ? Легальный мультимиллионер?

– Он самый. Легальный мультимиллионер и подпольный миллиардер.

– Вопрос второй. Как это сделать? В смысле, внедриться. Я в подобные круги доступа не имею. На корпоративы и светские вечеринки меня почему-то не приглашают. Адреса, наверное, не знают?

– Мы долго думали и пришли к неожиданному решению. Ты собак любишь?

– Не фанатею, если честно. На ментовской зоне на них посмотрелся. А так – в Академии МВД нам читали общий курс кинологии. А к чему вопрос, какая связь?

– У этого деятеля-лоббиста, Глотова, собственная псарня. Фанат собак. И бойцовые, и охотничьи, и каких только нет. У него на службе, конечно, специальный кинолог есть, ветеринар. Однако вскоре у него освободится вакансия смотрителя псарни. Только он сам об этом еще не знает.

– Вы точно знаете, что освободится? – усомнился Ларин. – Откуда такая уверенность?

– Можешь поверить мне на слово. И тебя обязательно возьмут на его место.

– Буду убирать за псами и выгуливать их?

– Типа того. Кормить еще.

– А где этот деятель живет?

– Огромное подмосковное поместье, бывшая дворянская усадьба восемнадцатого века, принадлежавшая до революции князьям Волконским. Купил, перестроил. Короче, в помещика играет.

– Полагаю, что люди, подобные этому кремлевскому чиновнику, не набирают персонал через спецгентства. Там ведь все проверенные-перепроверенные, анкеты изучаются под микроскопом. Берут только «своих».

– Мы обставим все так, что тебе понадобятся лишь устные рекомендации якобы с теперешнего твоего места работы. От одного известного кинорежиссера, страстного любителя собак.

– Но как? Он будет в курсе всего?

– Мы тоже окажем ему одну услугу, и он будет стараться ради себя. Тебя самого это не касается. Человек оступился, попал в наше поле зрения. Смена смотрителя псарни произойдет спонтанно, практически случайно. Ты будешь человеком, оказавшимся в нужное время в нужном месте. Идет?

– Идет. А если не получится?

– Получится, иначе не стоит и браться.

– Кстати, вы выяснили, кто это мог написать письмо в Генпрокуратуру? – Ларин вытащил из папки ксерокс письма, написанного от руки.

– Пока выясняем. Но, судя по озвученным в нем деталям, сделал это человек, приближенный к нашему главному фигуранту – президенту автономной республики. Все говорит о том, что он поддерживал его, пока позволяла совесть, а вот теперь чаша терпения переполнилась.

– Вы говорили о смотрителе, чье место мне предстоит занять. Если пострадает невинный человек...

– Теперешний смотритель – отъявленный мерзавец. У меня есть факты.

– Это немного утешает. Но каким именно образом вы собираетесь удалить его от члена Совета безопасности Глотова?

– У него, как и у тебя, есть свои странности. Ты вот запиваешь водку морковным соком, а он постоянно пользуется одним и тем же мужским дезодорантом для тела.

– Не вижу связи, – Ларин неопределенно повел плечами.

– А тебе и не надо ее видеть. Вот, держи свою рюмку и морковный сок. Мы с тобой договорились – цели поставлены, задачи очерчены. И это главное, ради чего мы встретились на берегу Оки.

Сказав это, Дугин сделал широкий жест рукой, как бы пытаясь объединить им все ночное великолепие природы – и звездное небо над головой, и простирающийся из мрака таинственный лес, и серебристый блеск полноводной реки.

Ларин приподнял металлическую рюмку и сделал короткий глоток.

– Предлагаете не терять время и заняться рыбалкой?

– Именно. Так редко выдаются подобные минуты. Вот только твоего любимого Утесова придется выключить. Рыбу распугаем. Рыбалка сродни нашему с тобой занятию. Мы должны предложить рыбе не то, что любим сами, ее не словишь на клубнику со взбитыми сливками. А вот если насадить на крючок жирного опарыша, выросшего в гнилом мясе, хищная рыба обязательно на него клюнет.

Сказав это, Дугин раскрыл небольшую металлическую коробочку и предложил Андрею:

– Выбирай, какой пожирнее.

* * *

Руководитель тайной организации, объединявшей честных офицеров-правоохранителей, лукавил. Он вел разговор на берегу реки так, словно Андрей Ларин может принять его предложение или отказать. На самом деле Дугин все уже для себя решил. И Ларину следовало принять сказанное им к действию, обратной дороги у Андрея не было. Но все же лучше иметь в исполнителях не слепо действующее «разящее копьё», а человека, сделавшего сознательный выбор, понимающего, в какое дело и ради чего он ввязывается. Такой исполнитель ценен тем, что в критический момент сможет сам оценить обстановку и принять решение, от которого будет зависеть успех.

Да, Дугин лукавил. В то время, когда он беседовал с Лариным и закидывал удочку, уже вовсю шла подготовка к замене зрителя псарни в поместье Александра Глотова.

В небольшом филиале кинологического центра, расположенном неподалеку от Серпухова, несмотря на глубокую ночь, готовились к последней тренировке. Кинолог, хоть и являлся членом организации, созданной Дугиным, но даже ему не было известно, зачем и для каких целей пришлось отыскивать среди бесхозных собак, отловленных санитарными службами, этого черного как смоль монстра – помесь немецкой овчарки и ротвейлера. Тем более ему не сказали, с какой целью пса нужно науськивать на определенный запах. Ему просто передали аэрозольный баллончик с дорогим мужским дезодорантом и поставили задачу.

Процедура тренировки была стандартная.

Неосведомленным кажется, что собак, да и других животных, чуть ли не человеческими словами убеждают совершать те или иные действия. Все гораздо проще и действеннее. Как писал знаменитый Чехов, «даже зайца можно научить зажигать спички, если бить его по голове». Допустим, нужно, чтобы пес мог суметь отыскать в толпе принявшего дозу наркомана; первому попавшемуся предварительно нарик под кайфом дают в руки крепкую палку, пса садят на короткую цепь, и начинается избивание. Чем сильнее и дольше наркоман избивает животное, тем крепче в голове собаки заседает стереотип: человек под кайфом – это боль, это смертельный враг. И потом, когда мирного в прошлом пса после такой тренировки ведут сквозь толпу, он уже за сотню метров чует наркомана и готов растерзать его прежде, чем тот вновь сделает ему больно. Так можно натренировать животное на любой другой запах: алкоголя ли, духов или дезодоранта... Можно привить ему смертельную ненависть и к внешнему виду обидчика: натаскать против людей в форме, женщин-блондинок или даже детей опреде-

ленного возраста и национальности. Все действенное просто. Грубые удары палкой убедительнее ласковых слов.

Отловленного пса – гремучую помесь немецкой овчарки с ротвейлером – уже посадили на короткую цепь в загоне, огороженном высоким сетчатым забором. Животное понимало, что его ждет в ближайшее время. Собака нервно била хвостом, прижавшись к земле, и протяжно скулила. К еде пес даже не притронулся.

Кинолог, как и всякий профессионал-тренер, жалости к псу не испытывал. В конце концов, у каждого своя судьба, свое предназначение в этой жизни. За окном вагончика-бытовки то и дело слышался лай собак. Свет от раскачивающегося под порывами ветра фонаря то падал на стол, то уходил назад к подоконнику. Мужчина глянул на часы, потянулся, выдвинул ящик стола и взял в руки серебристый баллончик мужского дезодоранта. Он опрыскал им висевший на крючке крепкий брезентовый ватник с длинными рукавами, с застежкой на спине, какой обычно используют при дрессировке собак. Поморщился от терпкого можжевелевого запаха.

Во дворе, под присмотром конвойного, кинолога уже ожидал бытовик, угодивший на «химию» и успевший грубо нарушить режим. Мало того, что умудрился выпить до невменяемого состояния, так еще и подрался с товарищем. Теперь он выглядел вполне счастливым, ведь совсем неожиданно ему предложили заменить положенное по закону наказание на добровольное участие в тренировке собаки. И вот он оказался здесь.

Кинолог на каждую очередную ночь тренировок брал нового «воспитателя», ведь собаку следовало приучить не к определенному человеку, а лишь к запаху.

– Ну что, гражданин начальник, – подобострастно заглядывая в глаза кинолога, проговорил бытовик, – я готов начинать. Песик-то где?

– А песик вон, сейчас покажу.

Кинолог подвел начинающего «воспитателя» к сетке вольера. Пес бросил скулить, приподнял уши и угрожающе зарычал. Ощущение счастья, царившее в душе бытовика, тут же испарилось наполовину.

– А это... оно... безопасно? Живым останусь?

– Если быть осторожным, то возможно, – прищурился кинолог. – Для начала надень вот это, – и он вручил худосочному мужчине тяжелый брезентовый ватник.

– Пахнет как-то странно, вроде хвоей или вареньем...

Бытовик примерил обновку и даже попытался сам застегнуть ее на спине. Естественно, не получилось. Пришлось кинологу помочь.

Получив в руки длинную увесистую палку и инструкции, бытовик приободрился.

– Значит, гражданин начальник, мне его надо только метелить изо всей силы?

– Смотри, не перестарайся. Если сломаешь ему что, самого этой палкой отхожу.

– Понял, не дурак, – бытовик втянул голову в плечи и нерешительно шагнул за сетчатую калитку, которую за ним тут же закрыл на задвижку кинолог.

– Не дай ему до лица добраться, а то сгрызет на хрен. Потом ни один хирург не восстановит, – прозвучало в спину добродушно-напутственно.

Бытовик подходил к псу осторожно, кругами. Тот уже чувствовал приближение опасности, знал, что его ждет. А потому, вскочив с земли, лаял, бросался, натягивая короткую цепь.

Бытовик, перед посадкой на «химию» хладнокровно изувечивший свою жену, не мог решиться нанести первый удар.

– Ближе, ближе подходи! Не тяни! – уже кричал ему кинолог.

Бытовик сделал шаг, прищурил глаза и занес палку. Пес не пытался убежать, злость уже захлестывала его. Он рвался, забыв о цепи. Когда палка пошла вниз, он сумел подпрыгнуть и схватить ее зубами. Трещало, щерилось щепками дерево. Псу удалось вырвать палку из рук пошатнувшегося бытовика, и теперь он вымещал на ней всю скопившуюся в его памяти злобу

к людям, избивавшим его несколько ночей подряд – к мужчинам, пахнувшим дорогим дезодорантом.

– Держи! – крикнул кинолог растерявшемуся бытовика и бросил ему еще одну палку, на этот раз короче и потяжелее.

В мыслях он лишь молился, чтобы пес не дотянулся до своего «воспитателя». Теперь уже и глаза бытовика зажглись азартом. Адреналин, выброшенный в кровь, начинал действовать. Он наносил удар за ударом, матерился, отплевывался, еле успевал стирать заливавший глаза едкий пот. Пес неистовствовал. Пена, смешанная с кровью, стекала из его оскаленной пасти. Желтые клыки окрасились розовым.

– Хватит! – закричал кинолог, но мужчина его не слушал.

Он бил и бил рвавшуюся к нему собаку. Если бы цепь не выдержала, мощные челюсти мигом впилась бы в тщедушную глотку. Бытовика пришлось оттащить силой. Оказавшись по другую сторону сетчатой стены загона, он еле отдышался, сбросил пропитанный потом и собачьей слюной ватник. А затем прохрипел горлом:

– Выпить бы сейчас, начальник.

– Обойдешься, – безучастно произнес кинолог, теряя к «воспитателю» всякий интерес.

Теперь он присматривался к псу. Животное уже не рвалось с цепи, не урчало. Длинный язык зализывал раны. А вот глаза пса говорили о многом. Его воля не была сломлена. Он просто понимал, что сейчас бессилён отомстить за себя. Но верил – придет момент, когда его ничто не будет удерживать, и вот тогда уж он «оторвется».

– Можете увести, – не оборачиваясь, бросил кинолог.

– Эх, стресс бы снять, – продолжал бормотать бытовик, следуя впереди своего конвоира.

Кинолог поднял с земли брезентовый ватник. Почти все, что от него требовалось, он выполнил. Теперь оставалось только привезти пса в указанное место и выпустить в строго оговоренное время. Зачем, для чего? Он и сам не знал.

Глава 3

Хозяйственный въезд в усадьбу восемнадцатого века ничего не говорил о российской старине, а вот о вкусах и опасениях ее нового хозяина – члена Совета безопасности Александра Филипповича Глотова – мог рассказать многое. Хватало двухметрового монолитного железобетонного забора, поблескивающей спирали колючей проволоки поверху и установленных на высоких столбах камер видеонаблюдения.

Все это Андрей Ларин особо не разглядывал. Просто отметил коротким взглядом и вновь сделал вид, что углубился в чтение газеты. Он сидел на заднем ряду кресел большого автобуса, рядом с ним громоздились кофры с киношной аппаратурой и съемочным реквизитом. Ближе к водителю расположились другие члены съемочной группы «Мосфильма». Люди работали вместе уже не первый месяц и потому практически не обращали внимания на новичка, приглашенного на сегодняшний день знаменитым режиссером. Группе Ларин был представлен как кинолог.

Сама кинематографическая знаменитость, режиссер Аркадий Глобинов, восседал рядом с водителем на мягком, вращающемся на триста шестьдесят градусов кресле, в каких обычно ездят экскурсоводы. Копна седых волос, умный и циничный внимательный взгляд, картинно-богемный пиджак из черной лакированной кожи и вспененный бант белого кашне. Неподалеку от него на местах, оборудованных столиками, расположились сериальные звезды рангом поменьше – актеры.

Ларин вообще редко смотрел телевизор, а уж отечественные сериалы для домохозяек не интересовали его и подавно. Потому он лишь смутно припоминал, что где-то мельком видел лица этих звезд. Остальные члены группы негромко переговаривались и попивали из припасенного термоса кофе.

– Друзья мои, – пафосно и неискренне восклицал режиссер, – вы только посмотрите, какая натура! Это же не декорации, а натуральное поместье восемнадцатого века. Еще не было Пушкина, Лермонтова, а здесь уже кипели шекспировские страсти. Вы должны это почувствовать. Я верю в вас...

Ларин поверх газеты поглядывал в запыленное окно автобуса. От самых ворот кинематографический транспорт уже сопровождал джип с охраной Глотова. В перспективе старой липовой аллеи белело двухэтажное здание дворца князей Волконских с аллегорическими скульптурами по углам, широкой парадной лестницей и похожим на китайский фонарик бельведером на крыше. Сразу чувствовалось, что хозяин сказочно богат. Все досмотрено, подштукатурено, подкрашено. Газоны, цветники, кустарник – все содержалось в идеальном порядке.

Автобус обогнул здание и оказался на территории, не доступной для любопытных взглядов туристов, проезжающих по шоссе. Встретить съемочную группу вышел сам хозяин – Глотов. Вживую Ларин видел его впервые. Но уже сложившееся по фотографиям и ориентировкам, предоставленным Дугиным, впечатление мало расходилось с оригиналом. Холеный мужчина шестидесяти лет благообразной внешности с удивительно бесцветными невыразительными глазами. Кинорежиссер картинно раскинул руки и бросился хозяину навстречу с объятьями.

– Дорогой ты мой, Александр Филиппович, ну, выручил, ну, помог. Смотри, кого я с собой привез... – знаменитый режиссер принялся представлять актеров.

Съемочная группа тем временем деловито выгружала аппаратуру. Вышел и Ларин – в руках он нес небольшой блестящий чемоданчик.

– Да ладно тебе, Аркаша, – фамильярно проговорил политик, – как не помочь отечественному кинематографу. Вы же, деятели искусства, – лицо нашей страны.

Охрана тем временем уже направляла киношников к объекту съемок – питомнику бойцовых собак, к которым испытывал особую слабость хозяин исторического имения.

– Помнишь, – вешал режиссер Глобинов, – мы с тобой на съезде вашей партии говорили о бойцовых собаках?

– Как же, помню. Ты меня еще самодуром назвал.

– Ну, это так, к слову пришлось. А потом... ну, знаешь, как это бывает у нас, людей искусства, заклинило меня. Надо главную героиню для зрителя сделать понятной, показать, что она за человек. А в сценарии на этот счет – прокол.

– Это ее? – Глотов покосился на дородную актрису.

– Ее. Она по моему замыслу – хищная стерва. Но не станешь же зрителю это объяснять на словах. Надо через действие показать так, чтоб никто не сомневался. И вот, понимаешь, придумалась сцена. Гениальная, я тебе скажу. Она приводит мужчину, которого собирается охмурить, на собачьи бои. И все – ни одного слова в кадре. Только взгляды, визг собак, укусы. А она от этого тащится. Я так смонтирую, что по-другому не увидишь. В собачьем бою будет и страсть, и секс, и все то, о чем подумают герои. Но не скажут они ни слова. Только взгляды, только жесты.

– По-моему, хорошо ты придумал.

– Если б не ты, я бы пропал, Александр Филиппович. Готов в ноги упасть за то, что ты позволил мне в своем питомнике снимать. Сколько бы я такие декорации строил? За какие деньги? Где бы я такую натуру нашел? А у тебя все готовое стоит.

Ларин прислушивался к разговору и даже сам не верил, что всю эту «гениальную» сцену для фильма, по большому счету, сотворил Дугин, что кинорежиссер до недавнего времени о ней и не помышлял.

«Ему бы не режиссером быть, а актером», – подумал Андрей.

Члены съемочной группы, побывавшие здесь накануне, уже привычно занимали свои рабочие места. Осветители выставляли софиты, оператор «пристреливал» камеру.

– Александр Филиппович, – стлался скатертью-самобранкой режиссер, – давайте я и вас на заднем плане посажу. А потом сделаю один крупный «наезд» камерой. Запечатлею для истории, так сказать.

– Вот «наездов» не надо, это мы еще в девяностые проходили, – скупое усмехнулся член Совета безопасности. – Ты же знаешь, Аркаша, в кадре светиться – не моя профессия.

– Как скажете. Да, кто у вас тут за собак отвечает? А то я и своего человека, кинолога, привез.

Ларин, как и было договорено, тут же возник возле кинорежиссера. Глотов лениво пома-нил пальцем тучного мужчину со среднеазиатским разрезом глаз:

– Вот, он у меня за собаками присматривает. Чудесный специалист, – и добавил, обращаясь уже к обоим: – Вы уж как-нибудь там между собой разберитесь. Хотя это лишнее. Мой смотритель и один бы справился. Твой человек нрав моих собак не знает.

– Так положено. Я, как режиссер, на площадке за технику безопасности отвечаю. Поэтому и должен иметь человека, специально обученного. Представляешь, что мне идиот-сценарист в этой сцене написал? Бойцовая собака вырывается с ринга, перемахивая ограду, и бросается на людей. А главный герой хватает ее голыми руками и забрасывает назад. Собака же актера укусить может, покалечить. А продюсеру потом за его нетрудоспособность неустойку платить придется, как за полноценные съемочные смены.

– Да, кино – штука дорогая и, как всякое искусство, требует кровавых жертв, – засмеялся Глотов.

Гримеры приводили актеров в порядок, подправляли грим, разглаживали складки на одежде. Смотритель собак вытащил пачку сигарет, молча предложил Ларину.

– Не курю. Некоторые собаки запаха табака не любят, – отказался Андрей.

Азиат слегка улыбнулся тонкими губами и не слишком дружелюбно произнес:

– Может, ты и хороший специалист, хотя о тебе я раньше ничего не слышал. Но только к моим собакам не лезь.

– Постараюсь не мешать. Отработаю смену, получу свое, а большего мне и не надо. На твое место не мечу.

Предположение рассмешило зрителя псарни.

– Меня Александр Филиппович ценит. Ни на кого не променяет.

Ларин приподнял манжет куртки и глянул на циферблат:

– Что-то тянет наш мэтр. По расписанию съемки уже должны идти...

...Дугин любил и культивировал у людей, с которыми работал, четкость и пунктуальность. На циферблат часов смотрел в этот момент и позевывавший после почти бессонной ночи кинолог. Когда стрелки стали на условленные цифры, он бодро выбрался из-за руля и без всякой боязни распахнул дверцы легкового фургончика. Черный пес – помесь немецкой овчарки с ротвейлером, которому даже не успели дать клички, – выскользнул на дорогу. Замер, выпрямив все четыре лапы, наострил уши, прислушался, принялся жадно втянуть воздух. Кинолог молча смотрел в собачьи глаза. Пса не отвлекали проезжавшие мимо машины, щебетание птиц. Он дышал все глубже и глубже, втягивая в себя запахи окружавшего его мира. А их было много – тысячи. Собачий нос куда чувствительнее, чем у человека. Один запах отпадал за другим, пока, наконец, не остался единственный – запах дорогого мужского дезодоранта. Слабый, едва различимый, но он заставил пса грозно оскалить пасть. Судорога волной прошла по его мощному телу. Вспомнились обиды и пытки последних ночей.

Пригнув морду к земле, пес взял след – разбрызганного кем-то на траве накануне дезодоранта. След вел прямо к высокому, непреодолимому для собаки забору, опоясавшему усадьбу. Казалось бы, животному его не преодолеть. Но тот, кто разбрызгивал дезодорант, все предусмотрел и отлично знал собачью психологию. Невидимый след вел к узкой, человеку не проползти, трубе, через которую во время сильных ливней протекал ручей. Пес опустился и ползком двинулся вперед. Когда собака исчезла в трубе, ведущей на территорию усадьбы, кинолог облегченно вздохнул и сел за руль фургончика. Все, его миссия, порученная Дугиным, была выполнена. Теперь в действие должны были вступить другие силы...

Возле питомника дворцовой усадьбы царило bestолковое оживление, как всегда бывает на съемках. Дел хватало всем. А потому никто особо и не пялился по сторонам. Дрессировщики уже ввели в загон бойцовых псов – питбулей, и разогревали их, держа на коротких поводках. Воздух полнился лаем, повизгиванием. Исполнители главных ролей уже сидели на скамейке, рядом с ними расположилась массовка из работников усадьбы, одетых в дорогие вечерние костюмы и платья. Режиссер давал последние наставления оператору.

– Постарайся снять одним планом. Одним движением. Объедини драку собак и взгляды героев.

Зритель псарни не сводил своих раскосых глаз с находящихся в загоне беснующихся собак. А вот Ларин то и дело косился через плечо на близлежащую рошу. Когда он увидел мчащегося огромными скачками черного пса, то неторопливо отступил в сторону от зрителя псарни.

Пса вели ненависть и запах. Он уже «видел» своим чутким носом того, кто излучал еле уловимый терпкий аромат проклятого можжевельника. «Видел» так, словно все вокруг тонуло во мраке, и только его носителя освещал яркий фонарь. Пес мчался практически беззвучно. На этот раз он собирался не обороняться, а первым нанести удар.

– Внимание! Мотор! – крикнул режиссер, опускаясь в походное брезентовое кресло.

Хлопнула, мигнув электронными огнями, кинематографическая хлопушка. И в этот момент в последнем огромном прыжке черный пес прыгнул на зрителя. Толкнув мужчину в спину, он повалил его и тут же сомкнул мощные челюсти на запястье правой руки. Той самой руки, в которой его «воспитатели» неизменно сжимали тяжелую палку для битья.

Все на съемочной площадке, и даже охрана Глотова, растерялись. Никто сразу и не понял, что происходит. Мужчина и пес, сцепившись, катались по траве. Брызгала кровь из разорванного запястья. Смотритель попытался вытащить из кармана складной нож, но выронил его. Актриса, исполнявшая главную роль, отчаянно завизжала.

– Да сделайте же хоть что-нибудь! – воскликнула гримерша.

Один из охранников выхватил из подмышечной кобуры пистолет, но стрелять не решился. Мужчина и пес перекатывались. Оператор, так и не получив сигнала от режиссера остановить съемку, направил камеру на несчастного зрителя. Сам Аркадий Глобинов боялся пошевелиться в своем походном режиссерском кресле. Он, конечно же, подозревал, что за просьбой Дугина – вернее, людей, имевших на него выход, – кроется какой-то подвох. Но чтобы такой?!

А вот владелец поместья Александр Филиппович Глов не терял самообладания. Он просто смотрел на то, как его наемный работник не может справиться с разъяренным псом. И наверняка делал для себя выводы о его профессиональной пригодности.

Ларин увидел, как под зубами собаки оголилась кость. Медлить было нельзя. У охранников вот-вот должен был пройти первый шок от увиденного. Андрей же был обязан опередить всех. Резким движением он выхватил из кармана мощный электрошокер и ткнул им пса в бок. Мощные челюсти сами собой разомкнулись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.